

ШАЙТАНЪ-САРАЙ.

(ЯЛЫ-БОГАЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

— Расскажи, Асанъ, почему люди назвали этотъ домъ—Чортовымъ.

Асанъ сдвинулъ на затылокъ свою барашковую шапку, было жарко, и усмѣхнулся.

— Расскажу—не повѣришь. Зачѣмъ рассказывать!

Мы сидѣли подъ плетнемъ у извѣстнаго всѣмъ въ долину домика въ ущельѣ Ялы-Богазъ. Ущелье, точно талья красавицы, дѣлитъ долину на двѣ. На сѣверь—отузская деревня съ поселками, старыя помѣщичьи усадьбы, татарскіе сады. На югъ—виноградники, сбѣгающіе по склонамъ къ морю, и среди нихъ—бѣленькіе домики нарождающагося курорта.

Зная Асана, я промолчалъ.

— Если хочешь, расскажу. Только ты не смѣйся.

Когда Шайтанъ, гдѣ поселится, скоро оттуда не уйдетъ. Жилъ здѣсь грекъ-дангалакъ; клады копалъ. Нашелъ—не нашелъ, умеръ. Жилъ армянинъ богатый; людей не любилъ; деньги любилъ; умеръ. Потомъ чабаны собирались ночью, виноградъ крали, телятъ рѣзали; вмѣстѣ кушали; другъ друга зарѣзали. Такъ наши старики говорили. Потомъ никто не жилъ. Одинъ чабанъ Мамуть, когда на горѣ пасъ барашекъ, пряталъ въ домъ свою хурду-мурду. Еще хуже вышло.

И Асанъ рассказалъ случай, имѣвшій, какъ говорятъ, мѣсто въ дѣйствительности.

— Видишь развалины на горѣ, подъ скалой? Тамъ была прежде греческая келисе. Давно была. Теперь стѣнка осталась, раньше крыша держалась, сводъ былъ.

Одинъ разъ случилась гроза. Дождь большой пошелъ, вода съ горъ побѣжала, камни понесла. Мамуть загналъ барашекъ за стѣнку, самъ спрятался подъ сводъ. Стоитъ, поетъ. Веселый былъ человекъ. Горя не зналъ. А дождь — больше и больше.—Анасыны, говоритъ. Надоѣло ему. Нечего было дѣлать, въ рукахъ таякъ, которымъ за ноги барашекъ ловятъ, давай стучать по стѣнѣ. Вездѣ—такъ, въ одномъ мѣстѣ—не такъ. Еще постучалъ.

— Можетъ кладъ найду, думаетъ. Хочетъ выломать камень изъ стѣны. Вдругъ слышитъ:—Эй, Мамуть, не тронь лучше! Плохо будетъ. Посмотрѣлъ,—никого нѣтъ. Началъ камень выбивать.—Не тронь, слышитъ опять; будешь богатымъ, червонцемъ подавишься.

Сплюнулъ Мамуть.—Анасыны, бабасыны; врешь, Шайтанъ, богатымъ всегда хорошо. Навалился какъ слѣдуетъ и сдвинулъ камень съ мѣста. Видитъ печь, а въ ней кувшинъ съ червонцами. Ахнулъ Мамуть. Столько золота! На всю деревню хватить. Задрожалъ отъ радости, спѣшитъ спрятать кладъ, чтобы другіе не увидѣли. Только камень назадъ не пошелъ. Высыпалъ всѣ червонцы въ чекмень, завернулъ въ узелъ, подъ кустъ до вечера положилъ.

Дождь прошелъ, выгналъ стадо пасти, а самъ на кустъ смотреть. Кустъ горитъ—не горитъ,—дымится.—Вай, Алла! Солнце еще высоко, въ деревню не скоро; сталь думать—какой богатый человекъ теперь будетъ. Принесетъ червонцы домой, отдастъ женѣ:—На! Самъ падишахъ больше не дастъ, а я, чабанъ, все тебѣ подарю. Положимъ—не подарю; только такъ скажу. Смѣется самъ.—Куплю себѣ домъ въ Ялы-Богазѣ; домъ на дорогѣ, открою кофейню; стадо свое заведу; чабаны свои будутъ. Ни одна овца не пропадетъ. Украдетъ чабанъ—сейчасъ поймаю. Первый богачъ въ Отузахъ буду. Такъ думалъ Мамуть, ждалъ, когда солнце за Папастепэ зайдетъ—гнать стадо домой. И гналъ такъ, что самъ удивлялся. Бѣжалъ самъ, бѣжали барашки, бѣжали собаки.

Прибѣжалъ къ себѣ, развернулъ на полу чекмень, позвалъ жену.—Смотри! Съ ума сошла женщина отъ радости; побѣжала къ сосѣдкѣ; та—къ другой. Вся деревня собралась, поздравляютъ Мамута. Одинъ имамъ прошелъ мимо, покачалъ головой; зналъ разные случаи.

Послалъ Мамуть за бараниной. Десять окъ на червонецъ дали, бабамъ каурму велѣлъ варить.—Кушайте всѣ, вотъ какой я человекъ, не какъ другіе.

Стали хвалить Мамута:—Добрый человекъ, хорошій человекъ, уважаемый будешь человекъ. Смотрѣли червонцы. Чужіе, не похожи на турецкіе. Сотскій совѣтовалъ позвать караима Шапшала. Шапшалъ виноградъ покупалъ, образованный человекъ былъ. Позвали. Обѣщаль помочь. Скоро поѣдетъ въ Стамбуль, тамъ размѣняетъ на наши деньги. Только третью часть себѣ требуетъ. Поторговались, сошлись на четвертой. Отдалъ Мамуть всѣ червонцы, себѣ немного на баранину оста-

вилъ. Не спалъ ночью, все думалъ, что много далъ за хлопоты. Обидно было. Му-чился человекъ.

На другой день стада не погналъ. Когда богатый, развѣ будешь чабаномъ! Пошелъ домъ торговать въ Ялы-Богазѣ. Никто не жилъ въ домѣ—дешево продали. Безъ денегъ въ долгъ купилъ. Мулла татарламу сдѣлалъ по шаріату. Мастеровъ на-нялъ домъ поправить. Безъ денегъ пошли, знали, что Мамутъ самый богатый человекъ на деревнѣ.

Ждетъ Мамутъ караима Шапшала. Все не ѣдетъ. Пришла ураза, нельзя цѣлый день кушать. Недоволенъ Мамутъ, къ баранинѣ привыкъ. Сталъ бранить потихоньку старый законъ, а Шайтанъ смѣется:—Скоро Мамутъ моимъ будетъ!

По ночамъ слышитъ Мамутъ чужой голосъ:—Обманулъ тебя Шапшалъ. Про-пали червонцы. Никогда не увидишь ихъ. Хмурымъ встаетъ по утру Мамутъ. Всѣ радуются: скоро Курбанъ-байрамъ; Мамутъ сердитъ на всѣхъ, не думаетъ о праздникѣ.

Одинъ разъ въ деревнѣ услышали колокольчикъ. Приѣхалъ начальникъ. Бѣ-жить сотскій за Мамутомъ.

— Иди, тебя зовутъ.

— Зачѣмъ?

— Ты кладъ, говорить, нашель; куда его дѣвалъ?

Испугался Мамутъ.—Скажи, не нашель.

— Какъ скажу? Всѣ знаютъ.

— Ну, скажи, дома нѣтъ.

Почесалъ сотскій затылокъ и ушелъ къ начальнику.

А Мамутъ взялъ со стѣны ружье и ушелъ черезъ сады въ Ялы-Богазъ.

Надъ ущельемъ нависла черная туча, темно стало; буря началась; вспомнилъ Мамутъ тотъ день, когда кладъ нашель.

Вѣтеръ деревья ломаетъ, въ трубѣ воетъ; собаки на дворѣ воютъ, не хорошо воютъ, покойника чуютъ.

Положилъ Мамутъ чекмень на полъ, легъ спать. Заснулъ, не заснулъ—не знаетъ. Только видитъ въ углу на корточкахъ сидятъ гости: бѣлый, черный, грекъ-данга-лакъ, армянинъ хозяинъ, зарѣзанные чабаны. Сидятъ, тихонько разговариваютъ, боятся разбудить Мамута. Пошевелился Мамутъ. Погладилъ длинную бороду бѣлый.

— Мамутъ, къ тебѣ пришли. Сначала я скажу, потомъ онъ скажетъ. Посмо-тримъ, кого слушаешь...

Долго говорилъ бѣлый, душу спасти просилъ, на мечеть муллѣ дать, бѣдному сосѣду дать, сироту въ домъ принять. Напишетъ мулла въ Стамбулъ, поймаютъ Шапшала, вернуть въ Отузы деньги. Не будетъ Мамутъ въ тюрьмѣ сидѣть: началь-ника хорошо попросятъ. Когда начальника хорошо просить, начальникъ добрый будетъ.

Смѣется черный.—Только Шапшала, гдѣ найдешь? Давно изъ Стамбула ушелъ. Хочешь деньги, можно имѣть деньги. Скоро начальникъ поѣдетъ. Насыпь больше дрови въ ружье. Ближе поѣдетъ. Будетъ много денегъ.

Поднялся Мамуть на ноги; точно провалились всё его гости; только полъ за-скрипѣлъ. Слышитъ звенить колокольчикъ. Зарядилъ ружье, за окошко спрятался. Шагомъ ѣдетъ начальникъ, дорога плохая. Вспомнилъ о Мамутовомъ кладѣ, оглянулся на домъ. Блеснуло въ окнѣ что-то, пошелъ по горамъ гулять выстрѣлъ. Позади ѣхали верховые; бросились къ дому, схватили Мамута, скрутили кушакомъ ему руки. Не боролся Мамуть; зналъ, что пропалъ человѣкъ.

Сидитъ Мамуть въ тюрьмѣ, ни пьетъ, ни ѣстъ, позеленѣлъ; всю ночь съ кѣмъ-то разговариваетъ. Страшно караульному: одинъ, а на два голоса разговариваетъ. Сумашедшій, думаетъ. Вдругъ, видитъ, сталъ Мамуть рвать на себѣ шаровары, схватилъ что-то въ руку, запрыгалъ отъ радости. Не сталъ караульный дальше смотрѣть, зашелъ за дверь; не видѣлъ, какъ вскочилъ къ Мамуту зеленый Шайтанъ, какъ руку на плечо положилъ.

— Прячь скорѣй свой послѣдній червонецъ; увидятъ—отберутъ. Прячь въ ротъ.

Сунулъ Мамуть въ ротъ червонецъ. Зазвенѣлъ засовъ тюрьмы. Глотнулъ Мамуть и удавился.

Узнали въ деревнѣ, что удавился червонцемъ Мамуть, говорили:—Жадный былъ человѣкъ, глупый былъ человѣкъ, домъ въ Ялы-Богазѣ купить захотѣлъ. Кто въ Ялы-Богазѣ можетъ жить! Нечего жалѣть такого человѣка!

Съ того времени никто въ этомъ домѣ не живетъ и народъ называетъ—Шайтанъ-сарай.

Помолчалъ Асанъ, а потомъ прибавилъ:

— Можетъ быть и теперь Шайтанъ здѣсь живетъ. Кто знаетъ! Когда Шайтанъ, гдѣ станетъ жить, долго оттуда не уйдетъ!

